

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРЕТІЙ.

№ 25.

15 ІЮНЯ 1858.

Выходятъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ). | Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер. |
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп

Подписка принимается: въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ музыкальномъ магазинѣ Ленгольда и въ книжномъ Базунова.

Редакція находится въ Офицерской улицѣ, близъ Большаго Театра, въ домѣ Кптнера, кв. № 33.

Къ 23-му № прилагаются: Романсъ «Когда ты со мною бываешь», музыка Л. Дерфельда и «Qui la voce», романсъ изъ оперы Нуритане—Беллини.

Содержаніе: Молодость Гете.—Первая любовь Бетховена.—Лола Монтезъ проповѣдница.—Пѣвица старыхъ вренень.—Нѣсколько словъ о мнскомъ театрѣ.—Иностранній вѣстникъ.—Анекдотъ.—Музыкальныя извѣстія.

Знаменитый французскій писатель Александръ Дюма (отецъ) прибылъ въ Санктпетербургъ.

МОЛОДОСТЬ ГЕТЕ.

(Ф. Брюнъ).

Во время пребыванія своего въ Страсбургѣ я попалъ, что иногда можно веселиться безъ участія въ томъ сердца. Обзоръ достопримѣчательностей города, частыя бесѣды съ людьми умными и образованными поглотили все мое время и не позволили мнѣ ни на минуту углубиться въ самого себя. Однимъ словомъ, мое настоящее можно сравнить съ бѣгомъ звучныхъ и блестящихъ коньковъ по льду, шумъ которыхъ веселитъ слухъ, а не сердце. Чье это откровенное признаніе? Двадцатилѣтняго студента Вольфганга Гете. И посмотрите какъ судьба смѣется надъ нимъ. Не прошло двухъ недѣль послѣ этихъ словъ, какъ праздное сердце юноши уже озабочено желаніями. Пребываніе Гете въ Страсбургѣ покажетъ намъ какъ онъ умѣлъ пользоваться независимостью. Въ одно и тоже время, сильная живучая дѣятельность его разума, уступаетъ мѣсто порывамъ благородной души, которую никакія препятствія не отвратятъ отъ принятаго намѣренія, души молодой и вмѣстѣ съ тѣмъ разумной, способной, гораздо болѣе чѣмъ можно было предполагать, къ привязанности и страданію, но всегда управляемой

мыслью о долгѣ. Послѣ Гете, который съ малолѣтства провидѣлъ свое будущее, судьбу его предугадала молодая, прекрасная дѣвушка и объ ней-то мы хотимъ сказать нѣсколько словъ.

Возвратимся теперь къ 1770 году и посмотримъ на молодого, любящаго Гете, ищущаго наслажденій въ шумной жизни. Тутъ является передъ нами не Юпитеръ Олимпійскій, а богъ молодости и красоты, прекрасный, лучезарный и гордый Аполлонъ, передъ нами студентъ съ взволнованнымъ сердцемъ, съ увлекательною и плѣнительною рѣчью, съ орлинымъ взглядомъ и свѣтлымъ умомъ. Что влечетъ его въ Страсбургъ мы узнаемъ позже, а между тѣмъ всякій задаетъ себѣ этотъ вопросъ. Къ чему готовится себѣ Гете? Это угадать трудно потому, что за чтобы онъ ни взялся, все доступно его уму, и нельзя узнать на чемъ именно остановится онъ. Не хочетъ-ли Гете сдѣлаться докторомъ? Легко можетъ быть, и тѣмъ болѣе убѣждаемся въ этомъ смотря на его ревностное занятіе анатоміею подъ руководствомъ доктора Эрмана. Не юристъ-ли онъ? Отчего-же и не такъ, онъ усердно посѣщаетъ школы и наизусть знаетъ *Joachimus Goppiusa*. Можетъ быть онъ архитекторъ? Разбросанныя вокругъ него планы, наугольники и циркули легко подтверждаютъ наше предположеніе. Наконецъ можетъ быть Гете просто умный человекъ? Да, его можно считать такимъ, потому что Одиссея и Оссианъ сопровождаютъ его всюду.

Пріѣхавши въ Страсбургъ Гете поселился на южной сторонѣ Фишмаркта № 80, и устроившись занялся доставленіемъ по адресамъ рекомендательныхъ писемъ. Онъ имѣлъ столъ въ заведеніи, принадлежащемъ двумъ старымъ дѣвкамъ. Заведеніе это посѣщалось нѣсколькими лицами, представителемъ которыхъ былъ кавалеръ св. Людовика и докторъ Зальцманъ, человекъ умный и пріятный, лѣтъ шестидесяти съ небольшимъ, но всегда любезный и чопорный, въ шелковыхъ чулкахъ и съ шляпой подъ мышкой, чтобы не испортить прически. Гете съ малолѣтства любилъ стариковъ и скоро сошелся съ Зальцманомъ, совѣтовался

съ имъ о своихъ занятіяхъ, и онъ-же развилъ въ немъ желаніе изучать законовѣденіе, къ которому Гете прежде чувствовалъ отвращеніе, исчезнувшее теперь окончательно. Въ этомъ легко убѣдиться, стоитъ только вспомнить письмо, писанное въ то время молодымъ студентомъ къ г-жѣ Клеттенбергъ, «заковѣденіе, пишетъ Гете, можно сравнить съ нивомъ Мерзебурга: когда пьешь его въ первый разъ, то чувствуешь какое-то отвращеніе, а попробуйте пить его въ продолженіи недѣли и вамъ трудно будетъ отстать.» Не думайте однако чтобы заковѣденіе было его исключительнымъ занятіемъ, откройте книгу Шелля, это любопытное собраніе, дополненное письмами и замѣтками, относящимися до молодости Гете, прослѣдите дневникъ самаго поэта, и вы увидите тамъ такую разнообразную программу занятій, что невольно спросите самаго себя: какъ доставало одного человѣка для такихъ тяжелыхъ, умственныхъ упражненій. Медицину началъ изучать Гете вслѣдствіе весьма обыкновеннаго случая. Его ибжное сложеніе, казавшееся сильнымъ и здоровымъ, какъ въ Лейпцигѣ такъ и во Франкфургѣ, часто подвергалось тяжкимъ испытаніямъ, и ему этого было достаточно, чтобы заинтересоваться изученіемъ науки, примѣненіе которой сохраняетъ и восстанавливаетъ самое дорогое изъ всѣхъ благъ жизни. «Какъ ваше здоровье?» писалъ онъ изъ Страсбургга къ одному изъ своихъ друзей Вормсу. «Пожалуйста, умоляю васъ, не пренебрегайте заботами о тѣлѣ, потому что чрезъ его глаза видна наша душа, и если эти глаза мутны, то мы ничего невидимъ на свѣтѣ, кромѣ дождя и тумана. Я знаю это по опыту и дорого заплатилъ за него. Было время когда я только страдалъ, но душевный и тѣлесный Врачъ укрѣпилъ во мнѣ жизнь, и бодрость и радость возвратились ко мнѣ.» Гете изучалъ анатомію съ Лобштейномъ, химию съ Шпильманномъ, посѣщалъ клинику братьевъ Эрманиовъ, и находилъ время для изученія теоріи цвѣта и для производства опытовъ надъ электричествомъ, бывшимъ въ то время въ модѣ, вслѣдствіе открытія Франклина. А алхимія, замѣтки о которой наполняютъ страницы дневника Гете, гдѣ мысли Парацельса перемѣшаны цитатами изъ Иппократа и Бѣрхаве! Тутъ насъ поражаютъ два опредѣленія: одно о скорости мыслящей способности, разсматриваемой какъ признакъ худаго роста, другое о вліяніи времени въ отношеніи эпидеміи. Эти два опредѣленія стараются доказать отношенія между тѣломъ и духомъ, между болѣзнию и планетною системою, между міромъ и вселенной.

Многія изъ этихъ идей основывались натурально болѣе на предчувствіи чѣмъ на опытѣ, и тѣ которыя относятся къ первому періоду медицинскихъ занятій Гете, остались у него на долго. Такъ въ 1798 году онъ доказываетъ Миллеру, что посредствомъ астрологін можно было угадать паденіе Валленштейна и основываетъ это на согласіи, которое существуетъ между человѣкомъ и вселенной. «Наблюденія, говоритъ онъ, показываютъ что звѣзды, болѣе приближенныя къ намъ, производятъ неоспоримое вліяніе на температуру, растительность и даже на жизнь моральную, на счастье и на несчастіе человѣка.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о г-жѣ Клеттенбергъ. При

возвращеніи своемъ въ Лейпцигъ, большой Гете жилъ у одной изъ друзей своей матери. Женщины эта добрая и умная, съ теплою душою и любящимъ сердцемъ, была г-жа Клеттенбергъ. Принадлежала къ старинному дворянскому роду, она имѣла црекрасныя манеры и была превосходно образована; она любила Бога и съ кротостію переносила всѣ несчастія, которыя выпадали на ея долю. Помогать бѣднымъ, утѣшать несчастныхъ и ходить за больными, было для нея наслажденіемъ, и она то утишала душевныя и тѣлесныя страданія Гете. Легко угадать отношенія, образовавшіяся между ею и молодымъ Вольфгангомъ, который незамѣтно обратился къ религиознымъ идеямъ вслѣдствіе тяжелыхъ страданій. Частыя бесѣды съ г-жею Клеттенбергъ и чтеніе библіи, сдѣлали изъ Гете если не истиннаго христіанина, то покрайней мѣрѣ заставили его уважать святыню.

При такихъ разнообразныхъ занятіяхъ, каковы были у Гете въ Страсбургѣ, у него всетаки еще оставалось время для свѣтскихъ удовольствій, и описаніе этого періода имѣетъ свой интересъ.

Отецъ его, человѣкъ права необходимого и серьезнаго, но пренебрегающій и мелочами, особенно если онѣ касались воспитанія дѣтей, папалъ для Вольфганга и его сестры, учителя танцевъ, самъ присутствовалъ при урокахъ и игралъ на флейтѣ. Но Гете не охотно танцевалъ и скоро пересталъ посѣщать танцевальный классъ, точно также какъ онъ сдѣлалъ однажды въ Лейпцигѣ, гдѣ уступая пасторичивому требованію нѣсколькихъ друзей сталъ учиться танцевать менуэтъ, но такъ мало успѣвалъ въ этомъ, что всѣ потеряли надежду когда нибудь видѣть его танцующимъ. Но въ Страсбургѣ танцы были въ модѣ и танцовали всѣ безъ исключенія. Гете приходилось краснѣть за свое незнаніе, педостойное такого красиваго и ловкаго молодаго человѣка, и чтобы положить конецъ этому, онъ позволилъ одному изъ своихъ товарищей свести себя въ одну изъ лучшихъ танцевальныхъ школъ. Учитель, котораго ему рекомендовали, былъ природный французъ, горячо любившій свое искусство, и какъ будто нарочно созданный для прыжковъ и скачковъ. У него были двѣ дочери, постоянно присутствовавшія при урокахъ, въ качествѣ фигурантокъ. Двѣ малыя дѣвушки, одна семнадцати, другая девятнадцати лѣтъ, видныя собой и къ тому-же кокетки, скоро очаровали поэта который въ свою очередь поправился и имъ, тѣмъ болѣе что скука и одиночество неприятны, и праздныя головки ихъ давно мечтали о комъ-то. И такъ искры разгорались съ обѣихъ сторонъ, только Гете плѣнился Эмилией, меньшей, которая уже любила другаго, а Луцинда, старшая, чрезвычайно интересовалась поэтомъ.

Замѣтя все это, Эмилія при первомъ удобномъ случаѣ скрывалась, тогда какъ Луцинда старалась постоянно присутствовать при урокахъ и всегда была готова вальсировать. У знаменитаго отца ихъ не было много воспитанниковъ, слѣдовательно свободнаго времени оставалось достаточно, а потому и уроки были продолжительны, послѣ окончанія которыхъ, всѣ занимались безконечною болтовней и чтеніемъ романовъ. Такъ проходили дни за днями.

Однажды вечером послѣ урока, Гете вздумалъ пробратъся въ комнату Эмилии, но Луцинда остановила его на порогѣ и просила не входить потому, что у сестры ея была ворожея, которая гадала, какъ сказала Луцинда, объ отсутствующемъ любовникѣ Эмилии. Что же касается до меня, продолжала она, и свободна по судьба на долю мою не послала радостей и все презираютъ меня. На такое откровенное признаніе, Гете отвѣчалъ любезностями и предложилъ молодой дѣвушкѣ посоветоваться съ гадалщицей, прибавя что онъ и самъ не прочь узнать будущее, но Луцинда отвѣчала, что она глубоко вѣритъ въ подобныя предсказанія и считаетъ свитотатствомъ прибѣгать къ нимъ ради одной забавы. Гете настаивалъ и кончилъ тѣмъ что убѣдилъ красавицу, которая обѣщала ввести его въ комнату сестры, какъ только кончится тамъ застѣланіе. Они вскорѣ вошли и увидѣли Эмилию веселою и совершенно успокоенною насчетъ отсутствующаго друга. Ворожея, увидавъ еще желающихъ гадать и заранѣе расчитывая на прибыль, приготовилась разкрывать будущее и Луциндѣ. Она стосовала карты, разложила ихъ, и долго, съ разными церемоніями и большимъ вниманіемъ, смотрѣла на нихъ, потомъ сдѣлала видъ какъ будто хочетъ сказать что-то, и колеблется.

— Что же, у васъ словъ не достаетъ, сказала Эмилиа отчасти понимавшая значеніе картъ, или то, что вы должны сказать моей сестрѣ будетъ для нее неприятно, какъ и я полагаю, доказательствомъ чему служитъ карта, которую вы держите въ рукахъ.

Луцинда поблѣднѣла, но оправившись сказала гадалщицѣ: чего же вы дожидаетесь, говорите, неужели это такъ страшно, вѣдь не о жизни и смѣрти идетъ дѣло.

Тогда сивилла тяжело вздохнула и проведя рукою по столу, начала. Вы любите: сказала она, но не любимы. Между вами и тѣмъ ково вы любите я вижу третью особу, которая васъ раздѣляетъ.

Съ этими словами Луцинда потеряла присутствіе духа, а колдунья желая смягчить свое злое предсказаніе и утѣшить бѣдную, начала ей говорить о какихъ-то письмахъ и деньгахъ, которыя должны въ скоромъ времени получиться. Письма? отвѣчала молодая дѣвушка, я ихъ совсѣмъ не ожидаю, а деньги—еще меньше, откуда мнѣ получить ихъ? Но если, какъ вы говорите, это правда что я люблю, то я достойна быть любимой и стану ожидать сердце, которое заплатитъ мнѣ взаимностію.

— Посмотримъ, проворчала колдунья, попробуемъ еще разъ, можетъ быть узнаемъ что нибудь получше. И снова стосовавши карты, разложила ихъ, но какъ нарочно, онѣ не предвѣщали ничего хорошаго. И не отъ одного этого страдала Луцинда, ее огорчало что Эмилиа подошла къ Гете и говорила съ нимъ. Старуха начала было гадать въ третій разъ, но взволнованная Луцинда заплакала и рылая убѣжала въ свою комнату.

— Ступайте скорѣе за ней, сказала младшая сестра, обращаясь къ Гете, идите и утѣшите ее. Вольфгангъ колебался, хорошо понимая что нѣтъ другаго средства успоко-

ить несчастную жертву, какъ только признаться ей въ любви, которую онъ не чувствовалъ. — Чего же вы медлите, прибавила Эмилиа, такъ пойдемте же вмѣстѣ, хотя я очень увѣрена что мое присутствіе не будетъ приятно сестрѣ въ эту минуту.

Оба побѣжали, но дверь была заперта и не отворялась ни на стукъ, ни на зовъ и моленія. Луцинда молчала. Престыжепный Гете проворно сбѣжалъ съ лѣстницы и ушелъ домой.

Два дня спустя онъ пришелъ брать урокъ. Луцинды не было на этотъ разъ, и когда отецъ ее вышелъ, Гете съ участіемъ освѣдохплся у Эмилии о состояніи здоровья сестры.

— Она больна и только говорить о смерти, отвѣчала кокетка. Потомъ Эмилиа начала упрекать Гете, называя его неблагодарнымъ и фальшивымъ другомъ.

— Неужели я такъ виновенъ, сказалъ Гете, да развѣ я поощрялъ чувство сестры вашей, развѣ я признавался ей въ любви, нѣтъ, я твердо увѣренъ что она сама оправдываетъ меня.

— Я все понимаю, сказала Эмилиа смѣясь, но не менѣе того справедливо что надобно на что нибудь рѣшиться, а иначе мы поставимъ себя въ весьма затруднительное положеніе. Что вы скажете на примѣръ, если я васъ буду умолять прекратить уроки? Отецъ мой уже давно находитъ что вы достаточно образованы для свѣтскаго человѣка, и такъ какъ есть нѣкоторая причина думать, что вы не намѣрены быть учителемъ танцевъ, то онъ не хочетъ даромъ брать съ васъ деньги.

— И это вы, Эмилиа, предлагаете мнѣ оставить домъ вашъ.

— Безъ сомнѣнія; послушайте, въ тотъ день когда вы отъ насъ убѣжали, я гадала объ васъ, и карты, три раза ерляду, предсказывали одно и тоже. Судьба наградила васъ своими дарами, васъ окружаютъ друзья и люди вѣстные, въ деньгахъ вы тоже не нуждаетесь, но женщины какъ-то удаляются отъ васъ. Товы не любите ихъ, то онѣ васъ. Въ первую категорію попала моя бѣдная сестра, въ другую—кажется я. Можетъ быть послѣ этого признанія вы спокойнѣе примите мой дружескій совѣтъ. Скажу вамъ, что сердце мое и рука не принадлежатъ мнѣ больше, я ихъ обѣщала другому, котораго нѣтъ здѣсь и котораго, я покрайней мѣрѣ такъ думала до этой минуты, люблю больше всего на свѣтѣ; но теперь я начинаю замѣчать что присутствіе ваше можетъ со временемъ поколебать мое равнодушіе къ вамъ, а этого не казалось мнѣ прежде. Посмотрите же въ какое фальшивое положеніе мы все поставили себя, а каково же будетъ вамъ между двумя сестрами, пѣз которыхъ одна сдѣлается несчастною отъ вашей любви, а другая—отъ вашего презрѣнія. И наконецъ долго ли это продлится. Мы незнаемъ кто вы такой и чего вы ожидаете въ будущемъ, но я должна вѣрить картамъ, которыя обѣщаютъ вамъ блестящую участь. Прощайте же Вольфгангъ, прощайте.

Съ этими словами Эмилиа съ нѣжнымъ участіемъ протянула ему руки и тихонько провела Гете къ двери, но въ

ту минуту какъ опъ хотѣлъ удалиться, Эмилиа бросилась къ нему на шею и вскричала: прощайте Вольфгангъ, а чтобы вы помнили что мы видимся въ послѣдній разъ, вѣтъ вамъ то, въ чемъ я вамъ отказывала до сихъ поръ. И она крѣпко поцѣловала Гёте, который обнялъ ее и прижималъ къ своему сердцу. Вдругъ отворилась боковая дверь и Луцинда, въ какомъ-то лихорадочномъ состояннн, съ распущенными волосами, въ ночномъ пепуарѣ, показалась на порогѣ.

— Пусть никто не смѣетъ сказать, что ты одна прощалась съ нимъ, сказала она, и съ жадностью паптеры бросилась къ Гёте.

Эмилиа отошла отъ Гете, и Луцинда совершенно завладела имъ, прижимала голову его къ своей груди и обливая слезами, упомла запахомъ своихъ длинныхъ темныхъ кудрей, которыя граціозно падали на щеки Вольфганга. Гете незналъ что начать и былъ поставленъ въ положение, о которомъ только что говорила Эмилиа. Краснорѣчіе оставило его, опъ думалъ сказать что нибудь въ утѣшеніе и оправданіе, но изступленное состояннн Луцинды не допускало словъ. Она посмотрѣла на Гете, потомъ сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, ушла на софу. Эмилиа пробовала подойти къ сестрѣ, но та сильными трагическимъ жестомъ и съ гнѣвомъ оттолкнула ее.

— Если-бы это было первое сердце, которое ты отнимаешь у меня, вскричала Луцинда, обращаясь къ сестрѣ, смиренно стоявшей передъ ней и съ кротостію выслушивающей потоки проклятій, — нѣтъ, тоже самое было и съ другимъ, который кончилъ тѣмъ, что въ моихъ глазахъ сватался къ тебѣ. Я молча смотрѣла на твое вѣроломство, а что я перенесла—извѣстно одному Богу. Теперь явился Вольфгангъ и ты снова начинаешь свои продѣлки и конечно не съ намѣреніемъ забыть своего отсутствующаго друга, а такъ, изъ зависти и жадности. Я откровенна и добра, и понять меня весьма легко, тогда какъ ты скрытна и хитра, а люди воображаютъ что въ тебѣ скрыты сокровища и что ты только не хочешь ихъ показать. А что-же на самомъ-то дѣлѣ есть въ тебѣ, кромѣ холоднаго и ожесточеннаго сердца, готоваго принести все въ жертву своему эгоизму, сердца, котораго никто не знаетъ, потому что оно скрыто отъ всѣхъ тогда какъ я дѣйствую всегда прямо и сердце мое всякій можетъ видѣть точно также какъ лицо.

Эмилиа все молчала, потомъ видя что сестра все больше и больше горячиться, начала ее останавливать, но безуспѣшно, тогда она знаками показала Гете чтобы опъ ушелъ; попятно что ей не нравились подобныя похвалы, особенно въ присутствіи посторонняго. Но у ревности глаза бдятъ далеко и Луцинда, отъ которой ничто не могло скрыться, встала съ дивана и подошла къ Гете.

— Я знаю, сказала она, что вы отнышѣ и навсегда потеряны для меня, и я отступаюсь отъ васъ, но тебѣ, милая сестрица, опъ также не достанется. Съ этими словами она наклонила голову Гете и приложила свою щеку къ его щекѣ какъ будто для того, чтобы отмѣтить ее неизгладимую печатью.

— Несчастіе! вскричала Луцинда торжественнымъ голосомъ, несчастіе вѣчное да постигнетъ ту, которая осмѣлится, послѣ меня, тронуть эти щеки! Не хочешь-ли Эмилиа теперь попробовать, прибавила она. Небо слышало мое проклятіе и вияло мольбамъ моимъ. Чтоже касается до васъ Вольфгангъ, то вы совершенно свободны и можете идти куда вамъ угодно.

Гете, сильно обиженный глупою ролью, которая досталась на его долю, и смущенный заклинаемъ, удался съ грустью въ душѣ, и больше никогда не посѣщалъ домъ тапцовальнаго учителя.

(Продолженіе въ слѣдующемъ №.)

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ БЕТХОВЕНА.

Sinfonia eroica была окончена и авторъ ея, еще молодой человекъ, съ чувствомъ самодовольствія пересматривалъ свое твореніе. Опъ вдохнулъ свою могущественную душу въ величественныя массы этихъ шумно-стремлящихся звуковъ, которые вышѣ, какъ и чрезъ столѣтія, увлекутъ изумленнаго слушателя въ заоблачныя пространства гармоніи, гдѣ духъ его трепещетъ отъ благоговенія...

«Тебѣ посвящаю это, великій человекъ!» воскликнулъ Лудвигъ, положивъ руку на манускриптъ, «тебѣ, обѣщающему міру благословенную свободу! Тебѣ воспѣлъ я хвалу этими вдохновенными звуками, тебѣ, великому изъ людей! Скорѣ кончить посвященіе! прибавилъ опъ, и поспѣшилъ къ письменному столу, чтобы немедленно отправить труды свои къ мѣсту назначенія; но хотя скоро выливались потоы изъ пера его, и очень быстро толпились мысли при сочиненіи музыки—словами выразишь чувства и мысли свои ему какъ-то не удавалось. Начавъ нѣсколько разъ и разрывавъ нѣсколько листовъ бумаги, опъ съ досадою вскочилъ съ мѣста.

«Нѣтъ, не идетъ!» сказалъ опъ, отодвигая чернильницу. «Я только въ музыкальныхъ акордахъ могу выражать свои мысли, а простыя слова мнѣ не удаются! А не хотѣлось бы довѣрить третьему лицу то, что здѣсь, въ груди моей!» прибавилъ опъ, шагая по комнатѣ въ задумчивости. «На чистомъ воздухѣ придуть можетъ быть свѣжія мысли.»

Быстро схватилъ и надѣлъ опъ шляпу и пошелъ по улицамъ столицы, по которымъ любилъ прогуливаться. Вполнѣ занятый своимъ предметомъ опъ и незамѣтилъ, что многіе кланялись ему почтительно, многіе останавливались и смотрѣли вслѣдъ знаменитому композитору.

Но прогулка не принесла желаемой пользы; посвященіе осталось ненаписаннымъ и въ слѣдующіе дни. Наконецъ въ одно ясное утро Лудвигъ пробудился очень рано; вокругъ него царствовала тишина, душа его наполнилась разнообразными видѣніями, опъ схватилъ перо и краснорѣчивое посвященіе

вдругъ явилось на бумагѣ. Написавъ нѣсколько строкъ, Лудвигъ прибавилъ въ заглавіи: «*Побѣдителю при Маренно*», и только что хотѣлъ завернуть симфонію свою въ чистую бумагу, какъ у дверей его передпей сильно позвонили и два человѣка вошли въ комнату.

Это были, другъ его Рись и князь Л.

«Слышали вы, Лудвигъ, великую новость», вскричалъ князь, «о которой говоритъ вся Вѣна?»

«Я никуда не выходилъ въ послѣдніе дни», отвѣчалъ Лудвигъ Бетховенъ, «я былъ занятъ. Какая же это новость? Жители Вѣны такъ впечатлительны, что готовы заняться всякой бездѣлицей.»

«На этотъ разъ не бездѣлица!» отвѣчалъ князь, «но самая важная вещь: въ Европѣ новый императоръ!»

«Развѣ карточныхъ королей переименовали въ императоровъ?» спросилъ Лудвигъ, улыбаясь князю, и зная его страсть къ шуткамъ; но князь смотрѣлъ съ важностью на Бетховена; такъ что и у Лудвига прошла охота смѣяться. «Однако, что же это за новость, наконецъ?» заботливо спросилъ онъ.

«Наполеонъ Бонапарте провозгласилъ себя императоромъ Французовъ».

Это случилось въ 1809 году. Побѣдителемъ приближался новый императоръ къ столицѣ Австріи и ни что не могло устоять противъ его оружія. Искусства и поэзія умолкли, и по улицамъ Вѣны, прежде столь оживленнымъ, раздавался теперь только дикій шумъ войны, шумъ лошадей и пороховыхъ ящиковъ, посланныхъ къ границѣ, чтобъ не допустить непріятеля въ сердце государства.

Многіе художники оставили любимый городъ и Лудвигъ Бетховенъ направился къ горамъ Шлезвига, гдѣ въ замкѣ князя Л. дружескій пріемъ ожидалъ его. Непріятель все ближе подступалъ къ Вѣнѣ, а Бетховенъ приближался къ замку друга своего, зарпѣ радуясь дружеской встрѣчѣ.

Лудвигъ, съ длинными волнистыми волосами, прикрытыми попошенной шляпой, одѣтый въ старое платье, вошелъ въ замокъ и приказалъ вести себя къ князю. Съ недовѣрчивостью смотрѣла прислуга на этого нищаго съ виду, предъявляющаго такое требованіе и медленно переглядывалась, не рѣшаясь исполнить его желаніе.

«Докладывайте, докладывайте! воскликнулъ съ улыбкою Лудвигъ, подавая свою карточку, «увидите, что князь приметъ меня.»

Въ раздумьѣ пошелъ одинъ изъ лакеевъ во внутреннія комнаты, изъ которыхъ чрезъ нѣсколько минутъ, къ удивленію всей прислуги, князь самъ поспѣшно вышелъ и привѣтствовалъ своего гостя.

«Это вѣрно переряженный вельможа», сказалъ старый лакей, давно служившій въ домѣ; «вовсякомъ случай, кто нибудь очень значительный, потому что князь никого еще такъ ласково не принимаетъ.»

И правда что это былъ очень значительный человѣкъ, но не

въ томъ смыслѣ, какъ пошмалъ старшій камердиперъ; одинъ Богъ далъ великое значеніе этому человѣку, какъ даруетъ только своимъ избраннымъ, т. е. значеніе богатѣйшаго, необыкновеннаго гедія.

Съ прибытіемъ Бетховена началась новая жизнь въ замкѣ князя, и обитатели его радовались одушевленію и веселости, явившимся вмѣстѣ съ гостемъ.

Князь Эдуардъ имѣлъ, какъ многіе знатные вельможи того времени, собственный оркестръ, и потому нашлась возможность разыгрывать сочиненія великаго композитора. Каждый вечеръ проводилъ Бетховенъ нѣсколько часовъ въ кругу семейства князя, и почти каждый разъ исполнялось оркестромъ какое-нибудь изъ его сочиненій. Когда звуки музыки затихали, дружескій разговоръ занималъ собесѣдниковъ. Бетховенъ являлся всегда веселымъ и общительнымъ. Разговоръ касался разнообразныхъ предметовъ, и Бетховенъ всегда охотно развивалъ всякій предметъ разговора; только если доходило дѣло до его сочиненій или вообще до теоріи музыки, онъ становился молчаливымъ или удерживался отъ дальнѣйшихъ разсужденій. Князь спросилъ его однажды о причинѣ этой странности: «Религія и генералбасъ—двѣ вещи, о которыхъ не должно говорить», отвѣчалъ Бетховенъ.

«Вы правы въ отношеніи къ религіи», возразилъ князь, но почему же не говорить о теоріи сочиненій генералбасъ?

«Музыка, какъ наука, стоитъ выше всякой философіи, выше всякой практической мудрости, она—откровеніе истины; потому объ ней не должно разсуждать и говорить, какъ о другихъ искусствахъ, восклицалъ Бетховенъ.»

Князь Эдуардъ педовѣрчиво смотрѣлъ на Бетховена, но два голубые глаза, полные глубокаго и безграничнаго участія, ласково соглашались съ Бетховеномъ, глаза эти принадлежали сестрѣ князя, пѣвчій, юной Каролинѣ Л.

Съ особеннымъ предпочтеніемъ, уже прежде, играла молодая дѣвушка произведенія великаго композитора, и углубляясь въ разборъ красотъ этихъ твореній болѣе, чѣмъ дѣвушки ея лѣтъ въ состояніи были сдѣлать. Съ того же времени, какъ онъ самъ жилъ въ ихъ замкѣ и она каждый вечеръ слышала его фантастическую, дивную игру, и пошмала духъ его сочиненія, удивленіе ея возрасло до обоженія и она едва доживала до вечера, чтобъ видѣть и слышать его. Но это наслажденіе являлось не каждый вечеръ: если въ замкѣ были гости, Бетховенъ удалялся и никогда не приходилъ на обѣды или вечернія собранія; безъ шляпы и плаща, блуждалъ онъ въ отдаленныхъ частяхъ парка и не замѣчалъ ни бури, развѣвавшей его длинные волосы, ни дождя, промачивавшаго платье.

Тогда Каролина съ обычною любезностію и приличіемъ обращалась къ блестящему кругу общества, по душa ея витала въ паркѣ, около блуждавшаго маэстро. Иногда она очень разсѣянно отвѣчала на слова гостей, и не одной молодой франтъ попустому истощалъ запасъ своихъ изящныхъ фразъ, которыя она едва разслушивала, внимая между тѣмъ свисту бури и дождевымъ каплямъ, потрясавшимъ ее сердце.

Князь также огорчился удалением своего друга, и потому въ замкѣ Грѣцѣ все менѣе и рѣже приглашались гости и наконецъ семейный кругъ былъ окончательно предпочтенъ шумнымъ визитамъ. Музыкальныя занятія сдѣлались неизмѣнною принадлежностью каждаго вечера и когда разъ упомянули объ одной замѣчательной столычной виртуозкѣ, съ величайшимъ искусствомъ исполнявшей произведенія Бетховена, то князь сказалъ:

«Лудвигъ, заставьте-ка когда нибудь сестру мою Каролину сыграть вамъ одну изъ вашихъ сонатъ; надѣюсь, вы будете довольны ея игрою.»

Бетховенъ съ изумлениемъ взглянулъ на поблѣднѣвшую дѣвушку и сказалъ: «Я совсѣмъ не зналъ, что княжна-музыкантша!»

«Музыкантшей я ее и не называю», отвѣчалъ князь со смѣхомъ, «но она играетъ очень мило и, что еще лучше, съ чувствомъ, съ толкомъ. Каролина, не заставляй просить себя долго, сядь къ роялю и сыграй нашему другу одну изъ его новѣйшихъ сонатъ; я знаю, что ты ихъ выучила.»

Княжна была въ видимомъ затрудненіи, кровь то являлась, то исчезала на щекахъ ея и не умѣла выговорить ни слова, она едва осмѣлилась поднять рѣсницы. Внезапно озарила ее какая-то мысль, лучъ радости пробѣжалъ по лицу ея, она быстро встала, подошла къ Бетховену и сказала твердымъ голосомъ:

«Я сыграю, но съ однимъ условіемъ. Не хочу ни похвалы, ни осужденія, а прошу объ одномъ обѣщаніи. Если вы, великій артистъ, найдете игру мою хотя сколько нибудь достойною вашего вниманія, тогда, общайте давать мнѣ каждый день по уроку; если же игра моя слишкомъ посредственна, тогда молчите; ваше молчаніе докажетъ, что мнѣ не суждено болѣе дотрогиваться до рояля.»

Послѣ этихъ словъ подошла она къ роялю, и взяла одно изъ новѣйшихъ сочиненій Бетховена. Сперва нѣжныя пальцы ея, какъ будто дрожали, и первые тоны были сыграны не рѣшительно и слабо, но вскорѣ гений композитора овладѣлъ ею, проникъ и одушевилъ ее, и вознесъ надъ мелочнымъ страхомъ; она почувствовала вліяніе искусства, духъ художника неотразимо овладѣлъ ею, и увлекъ ее въ высоты волшебной фантазіи, откуда всѣ земныя радости и страданія намъ кажутся ничтожными. Игра ея становилась все смѣлѣе, краснорѣчивѣе. Лудвигъ Бетховенъ стоялъ очарованный, смотря на маленькіе пальчики, такъ легко побѣждавшіе труднѣйшіе пассажи: онъ прислушивался къ выраженію души, которая такъ ясно поняла его душу и едва вѣрилъ, что дѣвушка; только что вышед-

шая изъ дѣтскихъ лѣтъ, такъ усвоила себѣ смѣлый полетъ его мыслей и такъ дивно ихъ передавала.

Соната кончилась, но глубокая тишина царствовала въ комнатѣ. Композиторъ не шевелился. Княжна Каролина медленно встала съ кресла, но походка ея сдѣлалась нетвердою, и она принуждена была опереться на рояль. Тогда Лудвигъ пробудился какъ бы отъ сна, быстро подошелъ къ трепещущей дѣвушкѣ, поднесъ руку ея къ губамъ и сказалъ: «Княжна, приказывайте, сколько уроковъ въ день желаете вы получить отъ меня?»

Каролина взглянула на него; слезы дрожали на голубыхъ глазахъ ея, и выраженіе этихъ глазъ, глубоко впечатлѣлось въ душу художника.

Съ этихъ поръ начались ежедневные уроки и съ восхищеніемъ ожидали и учитель и ученица назначеннаго часа. Сердца ихъ все болѣе сливались въ звукахъ музыки, хотя слово, «любовь», никогда не выговаривалось. Никакой намекъ не указывалъ на нѣжнѣйшее чувство между ними, но каждый съ нетерпѣніемъ наблюдалъ ходъ маятника предъ началомъ урока, и имъ однимъ было ясно, сколько счастья заключалось въ этихъ урокахъ и что высказывала, душѣ композитора, игра княжны. Бетховенъ принадлежалъ къ числу тѣхъ немногихъ людей, для которыхъ любовь даже и въ зрѣлыхъ лѣтахъ остается еще боготвореніемъ. Нѣжное и глубокое, но строго-моральное существо его было совершенно чуждо всякаго непозволительнаго чувства: одна мысль о такой склонности была для него невыносима. То, что онъ любилъ, онъ долженъ былъ и уважать, высоко чтить и смотрѣть, какъ на высшее созданіе. Такимъ представилъ онъ себѣ идеалъ свой, и княжна Каролина явилась передъ нимъ воплощеніемъ этого идеала. Обыкновенное любезничанье казалось ему низкимъ.

Отношенія между учителемъ и ученицей становились все нѣжнѣе и задушевнѣе; все сильнѣе и нетерпѣливѣе ожидали оба того часа, когда безъ постороннихъ могли обмѣниваться своими мыслями. Они говорили правда только посредствомъ одушевленныхъ звуковъ музыки, но этотъ языкъ совершенно удовлетворилъ ихъ чистыя души, и другія желанія не имѣли мѣста между ними. Но скоро должны были прерваться эти задушевные бесѣды, и разорваться завѣса предъ ихъ глазами. Французы проникли въ Шлезвигъ и молодой генералъ занялъ квартиру въ замкѣ князя Л.

Съ того дня, какъ врагъ отечества поселился въ замкѣ князя, Бетховенъ сталъ застѣнчиво удаляться и только въ отсутствіе генерала, являлся вечеромъ въ кругу семейства. Но вдвое дороже становились ему теперь часы, которые онъ проводилъ съ Каролиной, видѣть ее было для него

величайшимъ счастьемъ. Восхищенная, очарованная дѣвушка почти съ благоговѣніемъ внимала его словамъ, каждая его мысль находила отзвѣтъ въ ея сердцѣ. Хотя слово *любовь* еще не было произнесено между ними, но къ чему слова, когда сердца ихъ слились въ одно, когда они отдались другъ другу?

Однажды генераль уѣхалъ на нѣсколько дней изъ замка и Лудвигъ опять появился въ вечернемъ собраніи. Разъ князь сказалъ ему съ дружеской улыбкой. «Я хотѣлъ бы обрадовать нашего гостя повозвращеніи какимъ нибудь сюрпризомъ, онъ любитъ музыку, я думалъ устроить концертъ и надѣюсь вы мнѣ поможете, любезный другъ!»

Бетховенъ наморщилъ лобъ. Замѣтивъ это князь поспѣшно прибавилъ: «Не думайте, что я прошу васъ устроить концертъ, все уже почти готово; но многіе сосѣди приглашены на музыкальный вечеръ и всѣ надѣются услышать великаго Бетховена. Генераль очень хорошо знаетъ ваши произведенія мой другъ, продолжалъ князь, и услышавъ печально что вы гостите у насъ въ замкѣ, выразилъ сильное желаніе съ вами познакомиться и насладиться вашей игрой. Потому прошу васъ рѣшиться сыграть намъ въ концертѣ одну изъ вашихъ превосходныхъ сонатъ.»

Бетховенъ молчалъ, глаза его боязливо блуждали и искали посторонней помощи и вдругъ печально встрѣтились съ голубыми предестными глазами Каролины, умоляющій взглядъ ея придавъ ему силы, онъ поклонилъ въ знакъ согласія голову и вышелъ поспѣшно изъ залы.

Войдя въ свою комнату Бетховенъ бросился съ отчаяніемъ въ кресло. Онъ былъ не въ состояніи играть передъ врагомъ своего отечества и не зналъ на что рѣшиться. Чѣмъ скорѣе приближался день концерта, тѣмъ сильнѣе увеличивалось его безпокойство, какое-то непреодолимое смущеніе овладѣвало имъ всякій разъ какъ онъ думалъ о своемъ обѣщаніи. Не взять-ли назадъ свое слово? Но князь разсчитывалъ на него, онъ предупредилъ француза и всѣхъ сосѣдей, что они услышатъ наконецъ игругеніяльнаго композитора; какъ неприятно ему не сдержать обѣщаннаго, тѣмъ болѣе что сопротивленіе артиста, князь назоветъ пустою прихотью. Наконецъ Лудвигу показалось что онъ нашелъ исходъ своему положенію, онъ хотѣлъ бѣжать, оставить навсегда эти мѣста, гдѣ ожидалъ его позоръ, да, онъ считалъ позоромъ забавлять своимъ гениемъ врага и отдать святыя впечатлѣнія своего сердца на судъ легкомысленнаго француза. Когда мысль о побѣгѣ промелькнула въ его головѣ, онъ почувствовалъ себя облегченнымъ отъ гнетущей тяжести, по вспомнивъ о Каролинѣ онъ впалъ снова въ сомнѣніе. Развѣ онъ могъ, развѣ онъ смѣлъ оставить ту, которую любилъ такъ страстно? Кто знаетъ, быть можетъ она будетъ сильно страдать когда другъ ея будетъ далеко. Нѣсколько дней продолжалась эта борьба любви и долга, наконецъ, сила воли одержала верхъ, онъ рѣшился бѣжать. Подъ прелогомъ своихъ запятій къ концерту, Бетховенъ отказался, въ послѣднее время давать уроки музыки кня-

жиѣ. Онъ не хотѣлъ видѣть ее, боялся что одинъ взглядъ ея заставитъ его снова переимѣнить намѣреніе, боялся не устоять противъ ея просьбъ и рѣшился избѣгать съ нею встрѣчи.

Насталъ день концерта и когда стемнѣло, Лудвигъ одѣвшись по дорожному, оставилъ свою комнату. Тихо вошелъ онъ въ большой корридоръ замка, надѣясь пробраться въ темнотѣ ни къ кому не замѣченный. Онъ уже прошелъ половину пути, какъ вдругъ услышалъ за собою легкіе шаги. Испуганный спрятался онъ поспѣшно въ нишу и мимо его промелькнула въ роскошномъ бальномъ нарядѣ воздушная фигура молодой княжны. «Каролина,» прошептала чуть дыша Бетховенъ, но шелестъ шелковаго платья помѣшалъ дѣвушкѣ слышать голосъ друга. Въ сладкой надеждѣ увидѣть своего любимца, осыпаннаго похвалами и рукоплесканіями, спѣшила она въ концертную залу и не замѣтила страстнаго взгляда проводившаго ее до дверей. Трудная борьба предстояла Лудвигу, но сила воли побѣдила, еще минуту простоялъ онъ неподвижно, не сводя глазъ съ дверей великолѣпно освѣщенной концертной залы, куда исчезло милое видѣніе, потомъ твердыми шагами направился къ выходу, прошелъ большой дворъ замка и скоро его высокая фигура исчезла въ темнотѣ.

Жизнь въ замкѣ князя послѣ бѣгства Бетховена, становилась печальнѣе день ото дня. Извѣстія съ театра войны не обѣщали ничего утѣшительнаго, а вскорѣ семейное огорченіе увеличило еще болѣе мрачное настроеніе духа обитателей замка. Каролина стала хворать; здоровье ея всегда пѣжное но слабое, со времени бѣгства Лудвига, совершенно разстроилось. Болѣзнь возбудила сильное безпокойство въ нѣжно любившемъ ея братѣ, призваны врачи, составился консилиумъ, и доктора не нашли никакого физическаго страданія, и между тѣмъ Каролина съ каждымъ днемъ слабѣла, кожа ея сдѣлалась прозрачною и улыбка появлявшаяся по врежпамъ на блѣдныхъ губахъ, не принадлежала землѣ.

Полгода спустя по отъѣздѣ Бетховена, въ одинъ осенній день, сидѣла Каролина за флигельемъ и углубилась въ сладкія воспомнанія прошедшаго. Она играла сонату, которую онъ для нея сочинилъ и все прошлое воскресло въ ея памяти. Игра молодой дѣвушки ставовилась яснѣе и выразительнѣе и когда прозвучалъ послѣдній акордъ Каролина опустила почти безъ чувствъ въ кресло и улыбка праведницы озарила ея блѣдное лицо. Она какъ-бы снова пережила прошедшее и упоенная прелестью мечтаній погрузилась въ сладкій сонъ. Черезъ часъ родные и друзья вошли въ залу и нашли ее спящей. Каролина спала, по то былъ вѣчный сонъ, ангелъ смерти коснулся до нѣжнаго созданія, она умерла отъ его прикосновенія. Призванный врачъ рѣшилъ, что она умерла отъ бѣшенія сердца.

Лудвигъ Бетховенъ возвратился въ Вѣну, гдѣ прежде блисталъ своею славой. Онъ съ нѣкоторыхъ поръ страдалъ тяжкою неизлѣчимою болѣзною. Многіе иностранцы посѣщали знаменитаго композитора; передъ нимъ преклонялись какъ передъ царственной особой, внимали съ благоговѣніемъ каждому его слову; за то самъ Бетховенъ могъ пови-

мать слова другаго только глазами—онъ оглохъ. Станъ его преждевременно согнулся отъ болѣзни и горя, и часто женщины плакали смотря на бѣднаго страдальца. Но когда этотъ худо одѣтый старикъ съ сѣдыми густо-взъерошенными волосами садился за флигель, когда его пальцы, согнутые падагрой, касались клавишъ, тогда это былъ по прежнему великій Бетховенъ, гениальный Бетховенъ.

Въ такія минуты гений его снова пробуждался, онъ увлекался самъ гармоніей звуковъ; инструментъ какъ-бы перерождался подъ его пальцами; вся боль страждущей души выливалась въ этихъ звукахъ, потрясавшихъ своды его маленькой комнаты. Часто иѣжная улыбка оживляла его черты, искаженные горемъ и болѣзнию, глаза свѣтились и радостно слѣдили за какимъ-то небеснымъ видѣніемъ. Въ эти минуты онъ вспоминалъ о своей первой любви и о чудной Каролинѣ, такъ рано умершей.

ЛОЛА МОНТЕСЬ ПРОПОВѢДНИЦА.

Извѣстно, что женщины, проведенія весело свою молодость, или какъ ихъ называютъ, женщины легкаго поведения, подъ старость лѣтъ дѣлаются ханжами, или по крайней мѣрѣ стараются казаться святошами, надѣясь тѣмъ прикрыть свои прежніе грѣхи. Поэтому нечего удивляться, если и знаменитая Лола Монтесть рѣшится вступить, на склопѣ лѣтъ, на путь добродѣтели и раскаянія, но замѣчательно то что Лола сохранивъ, по словамъ американскихъ журналовъ, свою ослѣпительную красоту, вздумала сдѣлаться проповѣдницей нравственности. Однако выборомъ страны она ясно доказала, что званіе проповѣдницы не болѣе какъ новое средство заставить говорить о себѣ, къ чему стремилась она во всю свою жизнь.

Извѣстно, что причиной денежнаго кризиса въ Америкѣ была страсть къ расточительности и певѣройтнои роскоши американскихъ дамъ, которыя своими безумными издержками и великолѣпіемъ платьевъ, переходящихъ границы возможности, довели своихъ мужей до совершеннаго раззоренія.

Лолѣ Монтеесъ пришла мысль начать проповѣдывать о нравственной скромности и простотѣ въ парядахъ. Лола женщина рѣшительная, сказано—сдѣлано. Съ этою цѣлію она стала объѣзжать всѣ города Соединенныхъ Штатовъ. Въ Коннектикутѣ, наиримѣръ выбрала она текстомъ своей проповѣди: *О настоящей красотѣ женщины!* «Ахъ! вскричала она вначалѣ своей умилительной рѣчи, всѣ мы, женщины, увядаемъ подобно иѣжнымъ листьямъ дерева!» Слова эти произнесенныя съ увлекательнымъ краснорѣчіемъ и звучнымъ голосомъ, произвели тѣмъ болѣе сильное впечатлѣніе на слушательницъ, что ораторша, извѣстная законодательница и жрица моды, явилась въ свѣжемъ прелестномъ нарядѣ и въ полномъ блескѣ своей красоты; въ чего можно заключить, что Лола Монтеесъ далека еще отъ увяданія и

проповѣдая простоту нарядовъ, строго слѣдуетъ воздержанію на словахъ, но не на дѣлѣ.

Однако Лола Монтеесъ приобрѣла довольно приверженцевъ въ кринолинахъ. Мудрено только-чтобы онѣ остались вѣрны ей, когда минуетъ денежный кризисъ. Американскія дамы оправившись отъ перваго страха, вѣроятнo забудутъ о бережливости и роскошѣ въ парядахъ возьметъ перевѣсъ.

ПѢВНИЦА СТАРЫХЪ ВРЕМЕНЪ.

Въ 1720 году, въ Вѣнѣ, на императорской оперной сценѣ, блистала пѣвица и актриса, отличавшаяся красотой, звучнымъ голосомъ, превосходной методой, талантливою игрой, и считалась въ то время первокласной артисткой во всей Европѣ.

Викторіи Тези, такъ звали, ее, было уже 30 лѣтъ, (она родилась въ 1690 году во Флоренціи), но съ виду можно было дать не болѣе семнадцати; живой, увлекательный умъ, милая скромность и простота очаровали и привлекали къ ней всѣ сердца. Разумѣется, въ поклонникахъ недостатка не было, вся знатная вѣнская молодежь обожала ее и вздыхала у ея ногъ, но все напрасно, красавица была непреклонна. Викторія уже любила графа Іоанна Фердинанда Ламберга, камергера императора. Графъ считался образцемъ молодыхъ денди, происходилъ изъ старинной, знатной австрійской фамиліи и былъ только однимъ годомъ старше пѣвицы. Онъ былъ превосходный скрипачъ и скоро сдѣлался постояннымъ скрипачемъ императора Карла VI; игралъ въ придворныхъ спектакляхъ, а въ 1732 году назначенъ директоромъ придворной капеллы.

Дружескія и платоническія отношенія не удовлетворяли пылкаго молодаго человѣка; зная добродѣтель и твердыя правила своей возлюбленной онъ рѣшился предложить ей свою руку и думалъ, что Викторія сочтетъ себя счастливѣйшей изъ смертныхъ, припявъ титулъ графини. Но онъ ошибся въ своемъ ожиданіи. Сначала сеньора Тези старалась всѣми силами заставить его выбросить изъ головы мысли о женитбѣ и представляла ему всѣ неудобства и неприятности неравнаго брака. Но графъ твердо стоялъ на своемъ и пѣвица рѣшилась принять другія мѣры.

Въ одинъ день отправилась она въ *Буриторъ*, еще не украшенный аллеями и лужками, какъ теперь, а представлявшій въ то время песочный холмъ, и обратилась къ работавшимъ поденщикамъ.

— Есть между вами Итальянецъ?

Молодой человѣкъ, съ честнымъ, открытымъ лицомъ, вышелъ впередъ.

— Какъ васъ зовутъ? спросила пѣвица.

— Джакомо Трамонтаниа, отвѣчалъ Итальянецъ.

— Вы хотите жениться?

Поденщикъ взглянулъ съ удивленіемъ на Викторію, потомъ прибавилъ: я пещоръ жениться, сеньора.

— Такъ слушайте. Я дамъ вамъ 50 дукатовъ, если вы

обвѣщаетесь со мной, какъ можно скорѣе. Только вы должны сперва подписать условіе, что никогда не будете моимъ мужемъ и даже никогда не захотите меня видѣть.

Бѣдный поденщикъ съ радостью принялъ предложеніе пѣвицы, ему никогда не снилось получить вдругъ столько денегъ. Всѣ пужныя формальности соблюдены и въ тотъ же вечеръ они были обвѣнчаны. Сеньора Тези-Траоптини прямо изъ церкви уѣхала домой, а черезъ часъ явился къ ней графъ Ламбергъ и снова возобновилъ свое предложеніе. Тогда пѣвица рассказала ему, что она сдѣлала, чтобъ удержатъ его отъ такого необдуманнаго шага. Она принесла въ жертву свою любовь, чтобъ не навлечь на себя гнѣвъ знатной родни ея друга, которая никогда не простила-бы графу неровный бракъ. Съ грустнымъ удивленіемъ выслушалъ графъ рассказъ благородной дѣвушки и когда черезъ годъ женился на богатой графинѣ, воспоминаніе о прелестной и оригинальной итальянкѣ, надолго сохранилось въ его памяти.

Въ 1723 году Викторія Тези сошла со сцены, но осталась въ вѣнѣ учительницей пѣнія до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1775 году. Она умерла восьмидесяти-пяти лѣтъ и пользовалась до послѣдней минуты благосклонностью императрицы Маріи Терезіи.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О МНИСКОМЪ ТЕАТРѢ.

Припимаясь сказать нѣчто о Мнискомъ театрѣ, я имѣю въ виду не описаніе его, а выставленіе нѣкоторыхъ недостатковъ, устраненіе которыхъ поставило бы его на ряду съ первостепенными провинціальными театрами. Въ средствахъ къ тому нѣтъ недостатка, но хорошо примѣнять эти средства—тоже задача.

Здѣшній театръ существуетъ уже изстари, по до настоящаго времени никто изъ мнискихъ любителей драматическаго искусства не рѣшился сказать о немъ ни слова, между тѣмъ, какъ это послужило-бы ему въ прокъ. И здѣсь разыгрываются Гамлетъ, Марія Стюартъ и Ревизоръ, но не оставляютъ въ душѣ того ощущенія, которое публика вправѣ ожидать отъ твореній великаго Шекспира, знаменитаго Шиллера и безсмертнаго Гоголя.

Но такъ-какъ ничто въ подлунномъ мірѣ не безъ причины, то и тутъ есть свои виновники ихъ и публика и театральныи штатъ. По этому да перощутъ ни первая, ни вторая, если въ этихъ не многихъ строкахъ я затрону ихъ общее самолюбіе. Средства оправдываетъ добрая цѣль, которой, при тщательномъ стараніи, легко достигнуть. Зачѣмъ талантливымъ артистамъ пропадать, а нашему взящпому вкусу не образовываться? Зачѣмъ не быть строгими судьями, которые, своею похвалою или осужденіемъ, приносятъ благотворный плодъ? Но, между нами будь сказано, нашей публикѣ не до строгости, когда бѣльшая часть ея до такой степени не взыскательна, что уходитъ изъ театра далеко до окончанія пьесы, такъ, что бѣдные, артисты доканчиваютъ свои монологи и діалоги едва передъ пятою частью первоначальныхъ зрителей. Легко по этому

понять, что они играютъ на сценѣ не по долгу къ искусству, а единственно вслѣдствіе контрактнаго обязательства.

Что касается причинъ, то онѣ въ главныххъ чертахъ слѣдующія: 1) излишнее довѣріе, у нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихихъ лицъ, къ своимъ талантамъ; 2) Излишнія похвалы, даваемая публикою актерамъ за самыя бездѣлицы, точно избалованному дитяти, похвалы, не поощряющія ихъ таланты, и не обязывающія ихъ помнить, что главное призваніе актеровъ—представлять собою во всей точности характеры, задуманные авторомъ, а напротивъ того, заславляющія ихъ упускать изъ виду главную цѣль, и стараться какимъ либо неумѣстнымъ жестомъ, или движеніемъ, производить большій эффектъ на публику, столь щедрую въ своихъ громогласныхъ «браво» и оглушительныхъ рукоплесканіяхъ; наконецъ 3) и самая главная, отпосиетъ къ закулискому міру заключаются въ отсутствіи всякаго согласія между дѣйствующими лицами, въ особенности прекраснаго пола; при этомъ воплѣтываются слова нашего баснописца:

На задъ ихъ дѣло не пойдетъ
И выйдеть изъ него не дѣло, только муба.

Здѣсь кстати упомянуть объ одномъ фактѣ. Въ Мнискѣ пріѣхала артистка виленскаго театра д-ца Пульянь, о которой отзывы виленской публики и мѣстной газеты были, что она подаетъ о себѣ прекрасныя надежды, и что время произведетъ изъ нея знаменитость въ своемъ родѣ. Но къ сожалѣнію, не такъ понимаютъ ее въ Мнискѣ. По не извѣстнымъ намъ причинамъ ей предоставляютъ второстепенныя роли, между тѣмъ какъ она, и по своимъ способностямъ, и по превосходству передъ другими женщинами мнискаго храма Мельпомены, за исключеніемъ г-жи Плонской, неоспоримо заслуживаетъ первостепенныя роли. Конечно, она и не въ значительныхъ роляхъ успѣваетъ выказать свой несомнѣнный талантъ, да зачѣмъ-же лишитъ насъ удовольствія и права видѣть ее на свойственномъ ей мѣстѣ? А что ей воплиѣ свойственны первостепенныя роли, въ этомъ насъ убѣдила ея игра въ *Материнскомъ благословеніи*, гдѣ она въ роли Маріи была неподражаема, воплиѣ выразила мысли автора и выказала всю силу своего дарованія. Мало того, самъ авторъ видѣлъ-бы въ ея лицѣ болѣе, чѣмъ онъ ожидалъ отъ своего идеала. Въ другой-же драмѣ «Адріеппа Лекуверрь» роли между актрисами раздѣлены были не точно: вмѣсто роли Адріенны, г-жѣ Пульянь была предоставлена роль княгини, которую она выполнила тоже со свойственнымъ ей одушевленіемъ; да, жаль, роль Адріенны могла-бы быть сыграна ею гораздо естественнѣе, чѣмъ г-жею Плонскою, тоже прекрасною артисткою, которой въ свою очередь какъ старшей, гораздо больше шла бы роль княгини. Кто виною тому не знаемъ, но искренно соболѣзнуемъ, что мелочныи интриги стараются затмить талантъ; а вѣдь рано или поздно, истина должна восторжествовать.

Нѣкоторымъ изъ зрителей прискорбно, даже очень, очень прискорбно видѣть упадокъ театральнаго правосудія, но что значать *нѣкоторые* въ сравненіи съ огромною массою, которой, по видимому, нѣтъ дѣла до истиннаго направленія искусства.

Не мѣшало-бы также обратить вниманіе и на слабость

освѣщенія, на однообразную игру оркестра. подчующаго насъ одиѣми и тѣми-же мазурками и польками, на слншкомъ длинныя антракты, вслѣдствіе чего представленія оканчиваются не раньше полуночи, а между тѣмъ большую часть времени, посвящаемаго театру, приходится проводить въ корридорѣ, заступающемъ мѣсто фойе.

Устраненіе всѣхъ вышеупомянутыхъ неудобствъ, при-несло-бы, при способностяхъ, которыя выказываютъ нѣкоторыя изъ дѣйствующихъ лицъ, какъ напримѣръ: г-жа Плонская, д-ца Пульянъ и отчасти д-ца Дроздовская; г. Балевицъ и г. Мондшейнъ, вождѣмешую пользу.

Э. И—я.

ИНОСТРАННЫЙ ВѢСТНИКЪ.

Въ то время, когда мы жители Сѣвера дрожимъ здѣсь, несмотря на іюнь, отъ холода, когда вѣтеръ дуетъ со всѣхъ сторонъ немилосердно и бѣдные дачники должны кутаться въ шубы^{*)}; въ Парижѣ жарко, душно, всѣ спѣшатъ за городъ, большинство стремится въ «Prè Catelan», или другія загородныя гулянья. Отличные оркестры, гремятъ на славу, парижскія красавицы въ газовыхъ щегольскихъ платьяхъ, соблазняясь звуками упоительныхъ полекъ, отъ души веселятся подъ тѣнію роскошныхъ деревьевъ, среди душистыхъ цвѣтовъ на покрытомъ зеленью паркетѣ; тамъ опять въ роскошномъ «Ranelagh» пачались такъ называемые концерты Парижа (Concerts de Paris), привлекающіе все избранное общество; однимъ словомъ загородныя гулянья, со всѣми возможными балами, концертами, марионетками, звѣринцами и пр. проч. въ полномъ разгарѣ, и неудивительно что театры съ каждымъ днемъ пустѣютъ, концерты давно кончились и виртуозы исчезли, они отправились на воды лечить разстроенное здоровье, а вѣроролитѣе всего — карманы. Театральная и музыкальная жизнь Парижа погружена въ летаргическомъ снѣ, и съ бѣльшимъ блескомъ проснется осенью. Ристори окончила свои представленія. Парижане все болѣе и болѣе въ восторгѣ отъ ея замѣчательнаго таланта и извѣстіе, что въ своемъ бенефисѣ она должна была исполнить сцену на французскомъ языкѣ, произвело на публику самое пріятное впечатлѣніе. Ристори сдѣлалась ея любимицей и всѣ желаютъ, чтобы она осталась постоянно въ Парижѣ гдѣ исполненіе ея ролей на родномъ языкѣ, сдѣлало бы представленія, въ которыхъ она является, общедоступными. Не знаемъ, рѣшилась ли г-жа Ристори совершить этотъ довольно трудный для нея опытъ; въ отчетахъ о бенефисѣ ея, который состоялся самымъ блестящимъ образомъ, ничего объ этомъ не упоминается, во всякомъ случаѣ не подлежитъ сомнѣнію, что Французы наполняютъ театръ на какомъ бы языкѣ знаменитая артистка ни говорила, — доказательство, что она неподрожаемою своею игрою умѣетъ тронуть даже тѣхъ, которымъ недоступенъ итальянскій языкъ. Ристори ангажирована на нѣсколько представленій въ Ру-

эпъ, откуда отправится въ Лондонъ и Мадридъ. Затѣмъ, Парижъ представляетъ намъ мало новостей. О новой драмѣ «Полярныя моря» поговоримъ въ слѣдующемъ номерѣ. Въ большой оперѣ, недавно дано представленіе Гугенотовъ, привлекло, несмотря на жары, много публики; въ этотъ вечеръ Роже вступилъ самымъ блестящимъ образомъ во владѣніе партіи Рауля, въ которой онъ такъ хорошъ. Розатти, передъ отъѣздомъ своимъ въ Лондонъ, въ послѣдній разъ являлась въ Корсарѣ. Мѣсто Ришардъ, улетѣвшей тоже въ столицу Альбіона, занимаетъ пока очень милая танцовщица г-жа Куки, которая однакожь далеко уступаетъ знаменитой нашей соотечественницѣ. Черрито въ настоящее время въ Парижѣ и на дняхъ едва не сдѣлалась жертвою приключенія, которое къ счастью не будетъ имѣть дурныхъ послѣдствій. Коляска ея опрокинулась на площади Инподрома и прелестная танцовщица лишилась чувствъ, ее перенесли въ сосѣдній домъ доктора Пинелли и благодаря его стараніямъ, опасность миновалась. Г-жа де Лагранжъ возвратилась изъ Америки въ Парижъ, но въ іюлѣ отправляется въ Рио-Жанейро. Когда Парижъ отдыхаетъ, въ Лондонѣ оперный и концертный сезонъ въ полномъ разгарѣ. Въ оперномъ репертуарѣ всѣхъ театровъ встрѣчаются только имена Моцарта и Верди. Какой контрастъ! Травіату смѣняетъ Донъ Жуанъ или Свадьба Фигаро, несмотря на то, что Пикколомини какъ то пеловко въ операхъ Моцарта. Впрочемъ имя Моцарта встрѣчается преимущественно въ театрѣ Королевы, въ другихъ — владычествуетъ Верди; ожидаютъ пріѣзда Ропкони и Формеса. Старинный нашъ знакомецъ Ноденъ ангажированъ на сцену Друри-Ланскаго театра съ платою по 1000 франковъ за каждое представленіе; Ноденъ пѣлъ въ послѣднее время съ большимъ успѣхомъ въ Мадридѣ. Концертовъ въ Лондонѣ безчисленное множество. Изъ прибывшихъ туда виртуозовъ больше всего пмѣютъ успѣха: скрипачъ Іоакимъ, пианистка Шарвалл (Клауст) и нашъ соотечественникъ Рубинштейнъ. Львомъ сезона безспорно сдѣлался Іоакимъ, который производитъ постоянно необыкновенный восторгъ. Онъ принималъ участіе въ филармоническихъ концертахъ подъ управленіемъ Беннета и возбудилъ что называется фуроръ мастерскимъ исполненіемъ концерта Мендельсона и сонаты Баха. Въ народномъ училищѣ данъ былъ фестиваль, на который собралось около 20,000 слушателей, хоръ былъ составленъ изъ 4000 голосовъ.

Въ Баденъ-Баденѣ, состоялся 24 мая фестиваль, въ которомъ участвовало 45 обществъ пѣнія (Liedertafel). Великій герцогъ присутствовалъ на этомъ музыкальномъ праздникѣ. Преміи присуждены были тремъ обществамъ (Liedertafel) изъ Мангейма, Карлсруэ и Гейдельберга. Г-жа Ниссенъ-Саломонъ, которая нѣкогда пѣла въ нашей итальянской оперѣ, дала съ большимъ успѣхомъ нѣсколько концертовъ въ Штутгартѣ, въ которыхъ восхитила всѣхъ прекраснымъ исполненіемъ произведеній Генделя, Баха, Шуберта, Беллини и Клаписсона. Г-жа Ниссенъ съ большимъ пониманіемъ передаетъ классическую музыку.

Въ Лейпцигѣ, г-жа Іоанна Вагнеръ приняла участіе въ нѣсколькихъ представленіяхъ и въ особенности въ Тангейзерѣ пропзвела на публику необыкновенное впечатлѣніе.

^{*)} Иностр. Вѣстникъ составлялся во вторникъ.

Извѣстная пѣмецкая драматическая артистка Зеебахъ выходитъ замужъ за тенора Нимана. Король ганOVERскій прислалъ любимымъ своимъ артистамъ богатые подарки. Г-жа Зеебахъ недавно участвовала съ своимъ женихомъ на музыкальномъ вечерѣ, данномъ у его величества, гдѣ мастерски прочла нѣсколько отрывковъ изъ лучшихъ своихъ ролей. Въ этотъ же вечеръ восхитила всѣхъ дрезденская королевская пѣвица г-жа Бурде Ней. Затѣмъ она являлась передъ ганOVERскою публикою въ Нормѣ и была предметомъ самыхъ восторженныхъ овацій. Имя г-жи Бурде-Ней давно уже пользуется громкою славой въ Германіи, на будущемъ году она отправляется въ Парижъ, который вѣроятно выдастъ ей дипломъ на европейскую знаменитость.

Тихачекъ окончилъ свои представленія въ Берлинѣ. Кромѣ оперъ, о которыхъ мы уже говорили, онъ явился въ «Фенеллѣ» въ роли Мазанисело и, по словамъ извѣстнаго критика Рейльштаба, былъ неподробенъ. Знаменитый пѣвецъ простился въ Тангейзерѣ съ публикой, которая послѣ 2-го дѣйствія поднесла ему лавровый вѣнокъ. Изъ Берлина, г. Тихачекъ отправился восхищать жителей другихъ городовъ Германіи. Возобновленіе замѣчательнаго произведенія Херубини «Лодонски», 23 года отдыхавшаго въ театральномъ архивѣ, доставило любителямъ хорошей музыки большое наслажденіе. Къ сожалѣнію истинныхъ любителей вездѣ не много и театръ былъ далеко не полонъ, и вѣроятно эта прекрасная опера сойти предана будетъ забвенію. Лодонска, дана была въ первый разъ въ 1791 г. въ Парижѣ съ огромнымъ успѣхомъ, а въ Берлинѣ исполнялась въ послѣдній разъ въ 1835 году и нынѣ возобновлена, развѣ для того, чтобъ доказать до какой степени испорченъ современный музыкальный вкусъ. Въ настоящее время нужны безчисленныя шумныя кабалеты, мотивы годныя для кадрили и полекъ, оглушительныя оркестровки, великолѣпныя декорации и кровавые сюжеты! Всего этого нѣтъ въ Лодонскѣ, либретто которой отличается дѣтскою простотою, безъ натянутыхъ эффектовъ, все тутъ ясно, свѣтло и просто, однимъ словомъ это чистое золото безъ примѣси мширы.

Король прусскій пожертвовалъ 100 Фридрихсдорвъ въ пользу сооружаемаго въ Гагѣ памятника Генделю. Представленіе, сборъ, отъ котораго предназначается на сооруженіе памятника Веберу, дано будетъ въ іюль въ тотъ самый день, когда 37 лѣтъ тому назадъ, Фрейшюцъ явился въ первый разъ на королевской сценѣ, на которой по настоящее время былъ повторенъ ровно триста разъ.

Мейерберъ отправился въ Спа.

Въ извѣстномъ заведеніи Кроля начнутся съ 16 іюня представленія «Bouffes Parisiens», подъ управленіемъ Оффенбаха. Между прочимъ дана будетъ опера Россини: «Брускино», о появленіи которой въ Парижѣ мы говорили своевременно. Для жителей Берлина это интересная новинка и предпріятіе это вѣроятно увѣнчано будетъ полнымъ успѣхомъ.

Сѣверная сальфиды, Надежда Богданова, простилась съ берлинскою публикою, отправилась въ Пестъ, откуда, какъ пишутъ, ангажирована въ Италію.

АНЕКДОТЪ.

Всѣ ожидали съ петербургскимъ изданіемъ записокъ Беранже. Г. Церротенъ издалъ ихъ въ одномъ томѣ подъ названіемъ: *Моя біографія*. Эта книга изобилуетъ любопытными и вмѣстѣ поучительными признаніями и замѣчательными подробностями молодости знаменитаго *chansonnier*. Беранже являлся 20 лѣтъ; онъ неизвѣстенъ и бѣденъ, живетъ въ скромной мансардѣ, едва не умирая съ голоду. Но восторженный юноша не замѣчаетъ отвратительнаго скелета нищеты. Ночью, когда онъ трудится, ему являются поразительныя видѣнія. Воздушныя, прелестныя призраки, обольстительныя гуріи шептаются молодому поэту пѣсни, полныя вѣги и любви.

Вотъ анекдотъ еще неизданный, случившійся въ самый цвѣтущій періодъ жизни Беранже:

Это было въ 1812 году. Беранже жилъ въ скромной квартирѣ бѣднаго домика, недалеко отъ Одеона. Онъ только окончилъ прелестную пѣсенку, которая началась словами: «*Quoi, Lisette, est-ce vous?*» Поэтъ провелъ всю ночь и все утро падъ этими строфами, гдѣ смѣхъ проглядываетъ сквозь слезы, но пѣсенка не была кончена, ей недоставало музыки, а поэтъ никакъ не могъ придумать музыки на эти слова. Какъ нарочно ни одиакъ мотивъ не приходилъ въ голову Беранже, а бывало онъ часто вдохновлялся музыкой своихъ пѣсень.

Легкій стукъ въ двери вывелъ молодого человѣка изъ глубокой задумчивости. Онъ отворилъ и очутился передъ господиною благородной и величавой наружности съ изящными манерами.

— Что, мы все еще продолжаемъ писать стихи? сказалъ посѣтитель, увидѣвъ бумаги, разбросанныя на бюро. Го въ ворятъ стихи ни къ чему не ведутъ, это отчасти правда. Но талантъ подобный вашему не можетъ остаться долго неизвѣстнымъ, я смѣло ручаюсь за вашу будущую славу. Посмотримъ, что новаго...

Пѣсенка Лизеты лежала на столѣ. Посѣтитель внимательно прочелъ манускриптъ.

Окончивъ чтеніе, неизвѣстный протянулъ Беранже руку и дружески пожалъ ее.

— Превосходно, мой другъ, сказалъ онъ; ваша Лизета настоящій алмазъ. Но какую-же музыку сочинили вы на эти слова?

— Вотъ тутъ-то и препятствіе, ваше высочество, я ищу мотивъ болѣе двухъ часовъ и ничего не могу придумать.

— Попробую, не буду-ли я счастливецъ васъ...

И подумавъ не болѣе пяти минутъ, августѣйшій посѣтитель сталъ импровизировать прелестную музыку, извѣстную всему міру; музыку, въ которой меланхолическая пѣжнность такъ граціозно соединяется съ беззаботною радостью. Пѣсенка Лизеты сдѣлалась популярною; ее пѣли съ удовольствіемъ въ мансардахъ и въ гостиныхъ.

Беранже былъ въ восторгѣ.

— Услуга за услугу, молодой другъ, сказалъ уходя Луціанъ Бонапартъ. Я вамъ дарю музыку моего сочиненія, а вы мнѣ напишете стихи, когда мнѣ понадобится;—вашъ подарокъ будетъ конечно лучше моего.

Этотъ анекдотъ, который мы рассказали со всѣми подробностями, выказываетъ какъ нельзя болѣе превосходныя качества принца, принявшаго подъ свое покровительство еще неизвѣстнаго поэта и своимъ вліяніемъ способствовавшего къ развитію гения Беранже.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

изданныя и продающіяся въ магазинахъ

Ф. СТЕЛЛОВСКАГО,

бывшемъ Н. Неца, въ Большой Морской, въ домѣ Лауферта № 27, въ С. Петербургѣ.

Для le Piano seul.

(Для одного фортепiano въ двѣ руки).

GLINKA, М. Лезгинка. Танецъ изъ оперы: Руслявъ и Людмила	1	» 7. C'est la Jeunesse, qui a des ailes dorées	70
GÖDICKE. Variations brillantes	1 15	» 8. Tu m'attires, m'enraines, m'engloutis!	40
GOLLMICK. Polonaise en forme de rondo.	60	» 9. Jeunesse d'amour, plaisir céleste—ah tu t'enfuis, mais la mémoire nous reste	60
GORIA, А. Etude de Concert. op. 7	60	» 10. Comme le Ruisseau dans la mer se répend, ainsi ma chère mon coeur t'attend	60
GOTTSCHALK. Bananier. Chanson nègre. op. 5.	60	» 11. Dors-tu, ma vie?	60
» Danse ossianique, op. 12	75	» 12. Plein de Soupirs, de souvenirs, inquiet, hélas! le coeur me bat	70
GUTMANN. La Mélancolie. Rondo valse. op. 38	60	» Poème d'amour. Andante et allegro concertante. 5-ème édition augmentée et corrigée. op. 3	1 —
» La Sympathie. op. 39.	75	» Rhapsodie, Nouv. édition. op. 4	60
* Н. Petite fantaisie sur l'air russe Ты не повѣривъ какъ ты мила.	40	» Fontaine. (Nouvelle édition) op. 6 N 1.	60
* BEAHRBIER, E. Essais musicales.		» Schmerz im Glück. Nocturne	60
№ 1. Coeur insensé sois calme ou brise toi	60	» Impromptu. Nouvelle édition op. 7	30
» 2. Terpsichore. Etude	60	» Pensée fugitive. (Nouvelle édition) op. 8	40
» 3. La Question. Etude	60	» Romance en Si bemol et étude: Si oiseau j'étais. (Nouvelle édition) op. 10	1
» 4. Le Ruisseau. Etude	1	» Variations de Concert sur l'air favori «Quand je quittai la Normandie de l'opéra: Robert le Diable de Meyerbeer. (Nouvelle édition, revue, corrigée et augmentée par l'Auteur) op. 11.	2 30
» 5. Romance sans paroles	60	» Air Russe de Noroff, transcrit. op. 13 № 1.	1
» 6. Capriccio a passionato	75	» La Gondola Etude. op. 13 № 2.	75
» » Air du Stabat Mater de Rossini	60	» Barcarole et Cavatine de l'opéra: Ruslan et Ludmilla de Glinka transcrites. op. 13 № 3 et 4.	1 50
* HABERZETTEL, J. La Plainte et la Resolution. Impromptu	30	» Air de Balle transcrit, op. 13 № 5.	1
» Variations sur l'air «Benedetta»	85	» Mazurka et Polka. op. 13 № 6	1
» Introduction et fugue	50	» Marche-Hogroise. (Ragoczy-Marsch) op. 13 № 7.	1
» Petites Preludes dans tous les tons majeurs et mineurs (Nouvelle édition)	50	» Tableau musical. Fantaisie sur un air bohémien russe.	2
» Mazurka-fantaisie	75	» Chœur et Ballet d'Oberon. op. 19 N 3	75
» Petite fantaisie	75	» Grand air de Soprano (Wie nahte mir der Schlummer) de l'opéra: Freyschütz de Weber. op. 19 N 9	1
* HALPERT. Petite Valse	60	» Grand air d'Adolar de l'opéra: Euryanthe op. 19 N 9.	75
* HARTKNOCH. Grand rondo russe. op. 6	1 15	» Chœur et Ballet (Dem Frieden Heil nach Sturmestagen op. 19 N 10 de l'opera Eyrianthe de Weber	1
» La Tendresse, la Plainte et la Consolation. Trois nocturnes caractéristiques. op. 8	1 15	» Petite valse nouvelle op. 28	50
HELLER. St. Die forelle.—La Truite de Schubert, op. 33.	85	» Sophie-Polka. op. 29	60
» Aul flügeln des Gesanges de Mendelssohn-Bartoldy, op. 76	1 50	» L'Aurore Boréale. Grande Valse op. 30	1 70
* HENSELT, А. Variations de Concert sur le motif de l'opéra: l'Elisire d'Amore de Donizetti: «Jo son ricco e tu sei bella». op. 1. Nouvelle Edition	2 30	» Ballade. op. 31	2
» Douze Etudes caractéristique de Concert. (Troisième édition) op. 2 liv 1. 2. à	2 50	» Nocturne. op. 32	60
» Les mêmes études séparément:		» Chant sans paroles op. 33	60
№ 1. Orage tu ne saurais m'abattre	60	» 3-me Impromptu. Illusion perdue op. 34 Nouv Edit.	1
» 2. Pensez un peu à moi, qui pense toujours à vous!	60	» Marche, dédiée à S. M. l'Empereur Alexandre II op. 35	1
» 3. Exauce mes vœux!	60	» Valse mélancolique op. 36	1
» 4. Duo (Repos d'amour)	40		
» 5. Vie orageuse	70		
» 6. Si oiseau j'étais, à toi je volerais!	60		

(Продолженіе въ слѣдующемъ №)